
Над гробомъ учителя — Протоіерея Николая Александровича Елеонскаго.

Учитель, учитель! Итакъ ты уже во гробѣ и вотъ-вотъ совсѣмъ сокроешься отъ насъ въ холодной могилѣ; но и безгласный и бездыханный ты все же учитель и изъ гроба не перестаешь учить насъ о томъ же непреходящемъ, нетлѣнномъ и вѣчномъ, о чемъ училъ при жизни своей и словомъ своимъ и самую жизнью.

Не для похвалъ тебѣ, и прежде нелюбимыхъ тобою, и не для оцѣнки тебя, какъ учителя, ученику непосильной, а для себя, чтобы оживить и крѣпче усвоить урокъ, данный тобою, дерзаю хоть въ слабыхъ чертахъ возсоздать этотъ урокъ въ его основной мысли.

Да прости меня за это дерзновение смиреніе твое!

Владыко, благослови.

Давно это было—36 лѣтъ тому назадъ, какъ впервые я увидѣлъ тебя, тогда еще молодого, полного силъ и дарованій духовныхъ, но уже и тогда славнаго своею ученостію богослова. Живо помню, какъ скромно, съ какою-то чуть не дѣтскою застѣнчивостію и все же какъ будто ласкающимъ лицомъ вошелъ ты въ аудиторію и, открывъ уста свои, сталъ раскрывать предъ нами, едва оперившимися юношами, глаголы жизни вѣчной, слово жизни, возвѣщенное въ божественномъ откровеніи... „Писанное обыкновеннымъ писаніемъ человѣческимъ, такъ приблизительно началъ ты свою рѣчь, и на такихъ же хартіяхъ, какъ и всѣ писанія человѣческія, оно по внѣшнему своему виду ничѣмъ не отличается отъ этихъ писаній, и даже больше скажу: книга эта, возвѣщающая то слово, въ сопоставленіи съ писаніемъ человѣческимъ—

какъ зерно предъ великимъ деревомъ, какъ песчинка предъ моремъ; но по своему внутреннему значенію и достоинству она такъ превосходитъ ихъ, что всѣ они, взятыя вмѣстѣ, не могутъ объять собою этой песчинки. Такъ необозрима глубина и высота ея мысли; въ ней какъ въ сокровищницѣ заключена вся волна мудрости Божественной. И какъ прекрасна эта мудрость! Полюбите ее, и въ ней вы найдете рѣшеніе всѣхъ насущныхъ вопросовъ жизни, указаніе цѣлей и смысла не только нашей жизни, а и всего мірозданія,—рѣшеніе, превосходящее данныя самыми великими мыслителями и указаніе доступное даже дѣтскому пониманію“.

И вотъ полилась затѣмъ изъ сомкнувшихся теперь устъ твоихъ тихая, мелодичная рѣчь объ этихъ глубинахъ и высотахъ Божія слово, заключеннаго въ святой Библии. Раскрывая предъ нами эти глубины и высоты, ты не заносилъ нашего воображенія въ заоблачныя выси и не туманилъ ума никакими тонкими философическими отвлеченностями. Слово за словомъ читалъ ты эти глаголы Божіи и переписывалъ страницу за страницей священной книги, стараясь указать глубины божественной мудрости даже въ начертаніяхъ словъ Библии, въ простыхъ по внѣшнему смыслу сказаніяхъ ея, въ самой исторической судьбѣ этой книги, судьбѣ несравненной ни съ какой другой, указывая ясныя слѣды ея Божественнаго происхожденія и значенія...

Призванный потомъ изъ разсадника высшаго духовнаго образованія въ высшія же свѣтскія школы, чтобы и здѣсь возвѣщать тоже слово жизни, и, кромѣ званія духовнаго учительства, облеченный и саномъ священства, ты здѣсь, можетъ быть, больше, чѣмъ тамъ, явилъ себя служителемъ Слова, *иже бѣ искони у Бога*. Здѣсь тебѣ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ мудростію вѣка сего, которая иногда воздымается на разумъ Божій—на Истину Христову, хранимую въ Церкви, и ты, по самому положенію вещей, долженъ былъ встать на защиту ея. Но ставъ апологетомъ Богооткровенной истины, противъ нападеній на нее со стороны рационализма и невѣрія, ты стойко и непоколебимо отражалъ эти нападенія не громами страстной полемики и борьбы, а, какъ служитель алтаря, на которомъ приносится безкровная жертва мира и любви, ты тотъ же духъ мира и любви внесъ и въ свои апологетическія чтенія. Во всеору-

жипъ знанія и разума, раскрывъ „слабыя стороны“ „Новаго Евангелія“ и „отрицательной критики святаго писанія“, ты и въ заблуждающихся проповѣдникахъ этого Евангелія и этой критики не забывалъ видѣть человѣка, созданнаго по образу Божію, и бережной жалостно-любящей рукой касался этихъ ранъ ихъ ума и сердца, боясь льна курящагося угасить, трости надломленной сокрушить. Твое слово было въ этихъ случаяхъ словомъ не холоднаго и безстрастнаго ума, а согрѣтое теплотою любящаго сердца, не бичевало, а врачевало, не отталкивало отъ тебя, а влекло къ тебѣ и чрезъ тебя къ самой Христовой истинѣ заблуждавшихся въ ней. Предъ тобою всегда стояла эта истина, какъ живая сила Христова, неотдѣлимая отъ Него Самого Ты всегда какъ бы зрѣлъ предъ собою Христа. Да, ты не былъ въ Святой землѣ, гдѣ Онъ, во дни своей земной жизни, проповѣдывалъ Евангеліе Царствія, но ты постоянно носилъ ее въ своемъ воображеніи, любясь каждымъ пвѣткомъ, каждымъ ручейкомъ, каждой птичкой этой земли, исхоженной стопами Господа, какъ бы касаясь края ризы Его, и вотъ плодомъ этой любви явились дивныя очерки „Библейской географіи“, гдѣ съ самой строгой и точной научностью читателя поражаетъ общедоступность и мягкость изложенія. Если справедливо вообще, что по предмету, характеру и духу произведеній человѣка можно судить объ немъ самомъ, то въ приложеніи къ тебѣ это заключеніе справедливо сугубо.

Профессоръ богословія въ столичномъ Университетѣ, ты тѣмъ не менѣе мало былъ извѣстенъ внѣ сферы своего непосредственнаго служенія: ты не любилъ выходить съ рѣчами своими „на улицу“ и не пытался быть „демагогомъ“, къ чему въ наши дни стремятся иные даже изъ братій нашихъ. Чуждый честолюбія и славолюбія въ ихъ разныхъ видахъ, ты и въ томъ ульѣ своемъ, въ который собиралъ медовыя соты истины, никогда не пытался стать впереди другихъ, а уступчивый и кроткій, ты какъ будто радовался, что тебя иногда обходили и не дожидали даже тѣ, которые были обязаны тебѣ. Тишайшій и деликатно благородный по отношенію къ послѣднему слугѣ, къ разномыслившимъ съ тобою, и даже къ своимъ недругамъ, если только были таковыя, ты былъ истиннымъ ученикомъ Того, Кто Самъ о Себѣ сказалъ, что Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ.

Здѣсь—въ этомъ, можно сказать, самая лучезарная черта твоего духовнаго образа.

Ты въ жизни своей, употреблю для наглядности сравненіе, горѣлъ и свѣтилъ не какъ блестящіе и подчасъ ослѣпляющіе глаза своимъ блескомъ искусственные свѣтильники, а какъ лампада своимъ тихимъ, всегда ровнымъ свѣтомъ такъ ласкающая взоръ и умиляющая душу...

При воспоминаніи о тебѣ мнѣ невольно припоминается изъ объясняемой тобою священной книги сказаніе объ одномъ пророкѣ Божиѣмъ—Иліи, искавшемъ видѣть Бога... Вотъ предъ нимъ проносятся бури и слышитъ Онъ: не въ бурѣ Господь; потомъ огонь какъ молнія блещетъ предъ нимъ, и опять слышитъ онъ: не тамо Господь; за бурей и огнемъ слышитъ онъ наконецъ *дыханіе хлада тонка, и тамъ*, читаемъ мы въ св. книгѣ, *Господь*. И въ твоѣмъ, учитель благостный, духъ не бушевали ни для кого изъ насъ бури, и не сверкали молніеносные громы, а всегда слышалось одно лишь дыханіе хлада тонка... Не дыханіе ли это Духа Божія—не искра ли это Божія свѣтилась въ тебѣ? И не отъ того ли такъ незамѣтно тихо, но въ то же время дѣйственно и живо-творно было и духовное вліяніе твое на учениковъ твоихъ и всѣхъ знавшихъ тебя?

Правда, почти незримый и неслышный въ внѣшней церковно-общественной жизни, ты казался для иныхъ не дѣятельнымъ, а покоящимъ себя. Но знаютъ ли они,—эти иные,—что въ послѣдніе годы своей жизни въ Бозѣ почившій учитель не въ силахъ былъ пройти пѣше небольшое разстояніе отъ жилища своего до сего дома ученія и все же не отрекался отъ дѣла служенія своего, а въ экипажѣ подъѣзжалъ бывало къ зданію Университета и здѣсь слуги подъ руки вводили его въ аудиторію, гдѣ онъ тихимъ голосомъ и говорилъ свои уроки. Какъ живо напоминаетъ собою эта картина то, что древне церковное преданіе повѣствуетъ объ апостолѣ любви, св. Іоаннѣ Богословѣ, какъ въ глубокой старости его, когда онъ не въ силахъ уже былъ ходить, вѣрующіе вносили его въ собранія церковныя, и онъ едва слышно говорилъ: дѣти, любите другъ друга!.. Уже за три дня до своей блаженной кончины въ Бозѣ почившій не хотѣлъ оставить своего дѣла и возлежа на смертномъ одрѣ бесѣдовалъ съ приходившими къ нему учениками объ уро-

кахъ своихъ, изслѣдывая ихъ знаніе. Но вотъ настала и часъ смертный; „я иду, я какъ будто поднимаюсь вверхъ, сказала онъ, и духъ его отлетѣлъ отъ тѣла его. Куда-жъ отлетѣлъ Онъ, куда поднялся или вознесенъ духъ его?

Когда вышеназванный пророкъ Божій Ілія вознесся на небо и ученики пророческіе, ища его, спрашивали пр. Елисея, куда скрылся учитель ихъ, Елисей отвѣчалъ: знаю, молчите...

Умолкну, учитель, умолкну и я; только ты не премолчи и, когда вознесенъ будешь къ Престолу Господа славы, молви слово молитвенное за насъ, твоихъ учениковъ и всѣхъ любящихъ и чтущихъ тебя, да не бушуютъ въ насъ бури страстей и блуждающіе огни лжи и неправды не ослѣпляютъ очей нашихъ, да тихое и безмолвное житіе поживемъ. А мы не перестанемъ молиться о тебѣ и впредь, теперь же прими отъ меня—одного изъ первыхъ, не по достоинству, а по времени, учениковъ твоихъ, или лучше чрезъ меня за всѣхъ ихъ и отъ всѣхъ ихъ низкій пренизкій поклонъ за все то доброе и святое, чему училъ ты насъ и словомъ и жизнью и даже самою кончиною.

Пр. І. Соловьевъ.
